

Н. В. Белоус

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ НАСЛЕДИЯ
А. ФОН ДРОСТЕ-ГЮЛЬСХОФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статье рассматриваются особенности творчества выдающейся немецкой поэтессы эпохи Реставрации А. фон Дросте-Гюльсхоф, оцениваемые в русле методик институционального подхода к изучению литературного наследия. Показано, что творчество Дросте представляет собой сложный феномен. Статья освещает возможности биографического, гендерного и институционального подходов к изучению литературного наследия Дросте.

Ключевые слова: двойственность позиции, институциональная система, внутренний конфликт, манера письма.

© Н. В. Белоус, 2014

У статті через призму інституційного підходу розглядаються особливості творчості А. фон Дросте-Гюльсхоф, автора низки видатних поетичних творів та оповідної прози в німецькій літературі XIX століття. Двоїстість творчої манери А. фон Дросте-Гюльсхоф подано як характерну рису, зумовлену інституційною системою Німеччини першої половини XIX століття.

Ключові слова: двоїстість позиції, інституційна система, внутрішній конфлікт, манера письма.

The paper develops an institutionalist approach to assessing the writings of Annette von Droste-Hülshoff, an outstanding German poet of the Renaissance period. It is argued that these writings exhibit a pattern of complexity that is not completely reducible to *Biedermeier*, the prominent style of literature at that time. The implication of the argument is that the pluralism of the current analytical assessments of Droste's lyrics reflects the interdependent ambiguity of both her poetic manner and social status. The institutionalist standpoint is thus shown to be deeply ingrained in the biographic and gender-sensitive approaches to Droste's legacy. This standpoint is revealed in the attempts to trace the ambiguity of Droste's poetry back to the ambiguity of her social status. The major result of the paper is that the apparent ambivalence of Droste's work reflects not merely her internal psychic conflict but rather, at a deeper level, the dichotomy between ceremonial and instrumental valuation as developed in the work of later authors. The implication for further research is that the institutionalist approach encourages relocating the vision of the driving forces of personal creativity away from intra-personal conflict toward controversies in the institutional structure.

Key words: positional ambiguity, institutional system, internal conflict, manner of writing.

В немецкой литературе эпохи Реставрации творчество Аннеты фон Дросте-Гюльсхоф (Annette von Droste-Hülshoff, 1797–1848) выделяется ярким своеобразием и отмечено неповторимой индивидуальностью. Ей, как ни одному другому художнику слова той поры, удалось выразить величие духовных исканий эмансипированной личности Европы, воспитанной на высоких классических образцах поэтической музыки Германии многих веков. Произведения поэтессы включены практически во все заметные антологии избранных сочинений лучших немецких авторов XIX века. Это заслуженное право даровано ей как выдающейся сочинительнице, внесшей значительный вклад в развитие немецкой литературы. Признание и достойную оценку произведения А. фон Дросте-Гюльсхоф получили главным образом во второй половине XIX и в XX вв., на волне широкого читательского интереса и признания и после напряженных ученых дискуссий вокруг ее весомого творческого наследия.

Сочинения А. фон Дросте-Гюльсхоф неизменно привлекают внимание читающей публики и ученых-филологов уже на протяжении многих лет и культурных эпох. В процессе изучения литературного наследия поэтессы было предложено множество специальных подходов, развивались плодотворные исследовательские направления, ученые разных школ подходили к оценке поэзии и прозы писательницы с весьма несходных точек зрения. В истории науки примечателен уже тот факт, что Дросте относили к реалистам, романтикам, преимпрессионистам, предвестникам натурализма и к выразителям литературного направления *бидермейер*. Однако и поныне в подходе к целому ряду проблем не существует общепринятого или окончательного мнения, так что вряд ли будет преувеличением утверждать, что дростеведение изобилует открытыми местами. Среди них укажем коротко, например, такие, как вопрос о соотношении художественных завоеваний поэтессы с палитрой литературных направлений. Так, если понимать *бидермейер*, к которому ее зачастую причисляют [1]), как «близкое действительности, «правдивое», но скромное по масштабам искусство» [1, с. 77], то возникает вопрос: правомерно ли считать «скромным» также и творчество Дросте (как это делают авторы исследования [1, с. 78]) или же, что представляется более логичным, следует вывести ее за рамки данного стиля?

В современной науке, обращенной к анализу лирического наследия поэтессы, бытует множество расхожих оценок и устойчивых стереотипов. Среди них – идеи патриархальной архаичности творчества Дросте, весьма спорное положение о якобы предпринимаемой ею деромантизации образа природы, чрезмерное акцентирование «реальной» грани создаваемого ею образно-художественного мира. Следует указать, что по отношению к изучению этой поэтессы, чьи литературные достоинства несомненны, преобладает укоренившийся еще в прошлом столетии биографический подход, нередко в его наиболее фатальном по следствиям, узком и буквально понятом варианте. Исходя из него, например, поэтессу причисляют к писателям-консерваторам, ей ставят в вину ее аристократизм, занимаются поисками личного фабульного прецедента, ограничивают толкование смысла тех или иных лирических стихотворений событийной канвой «дворянского гнезда», в котором Дросте суждено было провести свою жизнь.

Не менее влиятельным в дростеведении оказывается также гендерный подход. Его бесспорная продуктивность в определенных моментах толкования поэтики стиля все же не исключает некоторой экспансии в области, несводимые к методике гендера и не укладывающиеся в нее целиком. Тем не менее на протяжении долгих лет исследователей творчества Дросте захватывает устойчивая тенденция рассматривать ее произведения и оценивать их литературные достоинства на оси «мужской» и / или «женской» манеры письма. Притом это не означает, что утверждается специфика женственности лирического дарования и стиля Дросте, напротив – творчество поэтессы воспринимается как поле столкновения и причудливого взаимодействия исключаящих начал. Например, уже в 1844 г. критик *Allgemeine Zeitung* отмечал, что ее произведения были «полностью феминистическими изнутри, по своей сути, и в то же время имели очень мощную мужскую силу выражения» [2, с. 167]. Известный ученый-германист Йохим Мюллер отводил А. фон Дросте-Гюльсхоф уникальное место в немецкой литературе, в том числе и благодаря утверждению тезиса о «строгой дисциплинированной форме и твердом мужском подходе» в ее творчестве [4, с. 1]. Авторитетный и разносторонний немецкий ученый-литературовед Клеменс Хезельхаус, признанный исследователь творчества А. фон Дросте-Гюльсхоф, с воодушевлением отмечал: «Эта женщина была талантлива, как мужчина» [3, с. 45]. При этом априори предполагалось, что сближение с противоположным гендерным полюсом звучало комплиментом поэтессе, поскольку было призвано обосновать ее органичность и «равенство» среди мужей-стихотворцев на поэтическом Олимпе. В специальном документально-биографическом собрании, выпущенном известным немецким издательством Rohwolt в 1967 г., Питер Берглар отмечал, что отклик Дросте на дух времени и давление окружающей среды (т. е. существовавших на тот момент социальных институтов) выражал «полностью феминизированную реакцию» [2, с. 11]. Немецкий литературовед привлекал внимание к силе духа и специфике дарования Дросте, которая излучала «вихрь женской творческой мощи», направленный против барьеров и структур мира, в котором доминировали мужчины, прорываясь сквозь них способом, «до того времени неслыханным и никогда раньше не имевшим подобного поэтического выражения» [2, с. 11].

Заметим, что поэзия Дросте как объект изучения – довольно непроста. Это связано с тем, что проникновенное, в значительной мере – исповедальное слово ее лирической героини зачастую исполнено внутреннего драматизма и нагружено усложненными семантическими планами, выраженными в намеке, ассоциации, подтексте, которые далеко не всегда поддаются немедленной умствующей аналитической расшифровке. Разумеется, это вовсе не означает, что Дросте – лирик-иррационалист, однако в поэтике ее образа нельзя вовсе исключить смутных настроений мистицизма, тяготения к намеренно не проясненному, туманному, загадочному высказыванию. Поэтессой владеет пристрастие к таинственно-

му и темному миру внутри и вокруг «я», в том числе – желание погрузиться в неизведанные психологические глубины бессознательного, ей свойственны интонации религиозно-экстатического характера в осмыслении и передаче впечатлений окружающего мира.

Видимо, именно эти черты поэтического наследия Дросте имеют в виду многочисленные критики, настойчиво утверждая за автором репутацию двойственного поэтического таланта, в том числе – отмечая раздвоенность манеры письма, прослеживаемую в ее идиостиле и в индивидуальной картине мира. Особенно часто поэтессе ставится в упрек ее идейно-эмоциональная непроницаемость, пребывание в динамическом поле противоречий и душевных контрастов, расплывчатость идейного плана высказывания в процессе письма. На взгляд некоторых литературоведов, обусловленное внутренней конфликтной ипостасью Дросте лирическое самовыражение якобы далеко уводит ее от нормативного гармонического совершенства традиционного поэтического образа. Исследователи творчества А. фон Дросте-Гюльсхоф не раз отмечали наличие двойного или зеркального образа в ряде ее произведений. Это косвенно отражает двуплановость творческого и личностного сознания сочинительницы, которая ощущала себя, с одной стороны – вполне традиционной личностью, живущей в рамках принятых стереотипов женщиной, а с другой стороны – писательницей, чье творческое «я» никакой регламентации не подлежит. В немецкой германистике полагают, что фрагментарная, неоднозначная природа многих произведений А. фон Дросте-Гюльсхоф является одним из проявлений ее двойственного подхода к призванию, которое в ее время было четко определено как мужское занятие. Некоторые критики считают, что Дросте мешала ее неспособность избавиться от этой двойственности, хотя другие, среди них Г. Пикар, к мнению которой стоит прислушаться, настаивают на том, что мастерство двойственности было одним из великих достижений ее искусства слова и – главное – мастерства жить. Умение пребывать одновременно в двух парадигмах, сочетать противоречивые, подчас несовместимые жизненные ряды явлений и поступков позволило А. фон Дросте-Гюльсхоф достойно жить и реализовать свой поэтический талант в ее нелегком окружающем мире с регламентирующей системой общественных структур того времени.

Сосредоточимся на характеристике институционально-биографического научного подхода, который обосновывает проблемное содержание творчества поэтессы, отступая от логики узкого биографизма и отталкиваясь также от парадигмы гендерного «я». Приверженцы данной методики исходят из общеизвестного факта, что во все времена человеческая жизнедеятельность регулируется институтами, которые определяют важнейшие аспекты этой деятельности: экономику, политику, культуру. Институт понимается как набор формальных правил, регулирующих индивидуальное поведение в определенном направлении. Все правила содержат предписания, которые запрещают какие-то определенные социальные действия, разрешают или требуют их [5, с. 51]. Институт закладывает прочную основу для упорядочения общественных действий, а соответственно и поступков, на длительные периоды времени [6, с. 61]. Разумеется, что институциональная система Германии не могла не влиять на психоидеологию определенной эпохи и отразилась также на литературном творчестве выдающейся поэтессы А. фон Дросте-Гюльсхоф.

Рожденная в дворянской католической семье в Вестфалии, она выросла в обществе, где функционировала система патриархальных отношений с присущими ей институтами. Напомним некоторые биографические и общекультурные факты: Дросте большую часть своей жизни жила со своей семьей или в фамильном замке Хюльсхоф, или позднее в Рюшхаузе, где обосновалась ее мать после смерти отца Аннете. Она вела уединенный образ жизни, оставшиеся свидетельства характери-

зуют ее как болезненную, одинокую, имевшую очень узкий круг друзей, которые разделяли ее интересы, и еще меньше единомышленников, которые бы ее понимали. Литературоведы часто подчеркивают узость собственно экзистенциальных пределов ее бытия и доминирующее влияние семьи, где ее жизнь протекала в напряженном противостоянии общепринятому. Можно утверждать, что в системе признанных ее средой духовных ценностей Дросте вечно колебалась между приятием и низвержением, послушанием и непокорностью, повиновением и сопротивлением консервативным традициям ее сословия.

Сторонники рассматриваемого подхода исходят из того, что институциональная система – сложное явление, в ней есть ценности, которые конфликтуют друг с другом. Эти ценности оказались спроецированными в одной личности, личности А. фон Дросте-Гюльсхоф. Отсюда ее уход в ряде произведений в мир фантазии и мистики, внутренняя раздвоенность, порывы к самовыражению и самореализации в высокоструктурированной и регулируемой жизни, которую она вела как представитель дворянства. Она испытывала внутренний конфликт, который отражался на ее взаимоотношениях между ее жизнью и ее поэзией. Этот конфликт в разных формах оставался с ней на протяжении всей ее жизни. Критики в течение долгого времени воспринимали и описывали такие социокультурные и собственно личностные факторы, как воспитание, религия, социальный и экономический статус, как препятствие к ее поэтическому становлению [8, с. 978] и признавали, что влияние институтов того периода времени являлось весьма консервативным.

Конфликт с семьей никогда не обретал форм открытого противостояния, тем не менее он существовал на протяжении всей жизни поэтессы. Известен многозначительный биографический факт: когда Аннете исполнилось семь лет, дядя заявил, что в ней расцветает вторая Сафо [10]. Это значило больше, чем камерно-приватное восхищение, и знаменовало официальное признание таланта девочки родовым кланом. Однако гордость родственников за свершения вундеркинда пошла на убыль, когда ее интерес к самовыражению в литературе перерос статус детской игры и принял вполне серьезный размах, а ее произведения перестали соответствовать доступным темам и общепринятым формам, которые окружающие считали приемлемыми для своего благополучного круга. Когда первая книга А. фон Дросте-Гюльсхоф была опубликована под именем Anna Elisabeth von Droste-Hülshoff, она с грустью отметила реакцию непонимания со стороны семьи, нелюбезные отзывы и абсолютное неодобрение ее труда – якобы «совершенной чепухи... несвязной и путанной», и откровенное удивление, «как кажущийся благоразумным человек мог написать такую ерунду». [10]. А. фон Дросте-Гюльсхоф не заблуждалась относительно мнения среды о своем сочинительстве и четко представляла то разочарование, которое испытывали ее родственники в плодах ее литературной деятельности. Из тех высказываний, которые мать адресовала ее сестре Дженни, Дросте понимала, как огорчительно для представителей ее класса, «что дворянская девушка так выставляет себя напоказ общественному мнению» [9].

Понятно, что тенденции охранительного плана затмевали в глазах современников – ближайших родственников сочинительницы – ее реальные достижения и открытия в области стихосложения той поры. Существуют неоспоримые факты, что поэтесса находилась всецело под влиянием своей матери и была принуждена давать отчет в своем поведении, даже когда ненадолго уезжала. Семья предъявляла завышенные претензии к ее времени, энергии, здоровью, которое и без того отличалось слабостью. В то же время семейный клан был очень мощным и многочисленным, только по линии матери у Дросте насчитывалось более восьмидесяти родственников. Письма поэтессы отчетливо показывают как ее преданность семейным ценностям, так и свидетельствуют о жестком контроле со стороны семьи над всей ее жизнью и деятельностью [10]. Кроме того, институты

патриархального дворянського общества предписували Дросте в її статусі незамужньої жінки з вищого класу дотримуватися певних правил і вести уніфікований образ життя, що включало, як вказує Рональд Шнайдер, необхідність уникати будь-якої публічності, в тому числі літературної [7, с. 20]. Впродовж всієї життя А. фон Дросте-Гюльсхоф дотримувалася належного їй статусу покірної і люблячої дочки і родички, турбувалася про членів родини, займаючись домашньою роботою, навішуючи численні візити «по приводу» і підтримуючи обширну переписку. Але вона знаходила час для себе і своєї внутрішньої життя, виконаної фантазії і письменських прагнень.

Така позиція знаходила відображення в поетических творах. Стихотворення «Тревога» (також: «Беспокойство», нем. «Unruhe») характеризується усвідомленим прагненням ліричної героїни до пригод, невідомої їй вільності: «Я хотіла б вилетіти, як птах, далеко, де ще не ступала нога людини» [10]. Тут зафіксовано бажання вийти з вузьких рамок існування, в яких їй передбачено жити: «Це постійно приводить мене до обмежень, а на землі гнітить простір і час» [10]. Однак це не протест, а смирення ліричного «я» бачить єдиною альтернативою стражданню з-за випробуваних розчарувань, з-за нереальності і неможливості своїх мрій. Поняття «törichtes Herz» («глупе / безглузде серце») чітко вказує на усвідомлення марностремності поривів, в душі героїни зароджується драматична дистанція до відношення до бажаного ідеалу, – складається основа для формування позначеного вченими розриву внутрішнього світу. Лірична героїня Дросте не хоче заспокоїти свої пориви, але вже відчуває безнадійність своїх спроб втекти від наявного світу і неможливість прагнень до іншої життя. Вона повинна бути задоволена малими радістями існування і залишити морю яскраві образи вільності, якої ніколи не може належати їй і бути їй відомою: «Будь спокійною, серце, я навчу тебе відступити», – так вмишує вона собі.

Стихотворення «На башні» («Am Turme») – ліричний шедевр Дросте, можливо, найвідоміший в спадщині поетеси, – підтверджує конфлікт між імпульсивними особистими настроями і захисними суспільними традиціями (інститутами), виражений раніше в стихотворенні «Тревога» («Unruhe»). Прагнення до вільності і пригод пов'язано тут ще більш чітко з рядом явно жіночих видів діяльності: полюванням, риболовством, боротьбою з стихіями, плаванням під парусами. Але всі ці заняття чітко асоціюються з певними заборонами – заборонами і обмеженнями, символізуючи неможливість для неї брати участь в такій бурній, переливаючійся через край життя. На наш погляд, проблема героїни в тому, що вона відчуває нестерпимий напір пристрастей і відчуває свій внутрішній потенціал як повністю пропорційний, з усіма яскравими формами самореалізації в великому світі, звідси її парадоксальна фраза-мольба, якою все сказано: «Wär ich ein Mann doch wenigstens nur...» («Якби я була хоча б, по меншій мірі, чоловіком»). В дійсності ж тільки конфіденційно, щоб ніхто, крім читача, не знав, вона може нескінченно мріяти про іншій сфері існування і відчувати свою призначеність до неї. При цьому їй дано активно занурюватися тільки в власний світ, і то тільки в фантастичних екскурсах. Вона може тільки представити інше життя, пронизану енергією і активністю, при цьому в цьому представленні закладено потенціал не власного, а чужого досвіду, і таку можливість А. фон Дросте-Гюльсхоф в її умовах могло надати тільки літературне творчість. Створюючи свої поетическі твори, письменниця-аристократка могла придумувати світи, наповнені битвами, полюванням, кораблекрушеннями, ворожбою, знищенням, завоюванням і звільненням, по своєму бажанню переміщатися в минуле або в екзотичні землі, віддалені від її рідних країв. Вона могла викликати демонічні сили природи або бути свідком надприродних

явлений природы и происшествий, а также создавать более спокойные моменты лирического описания природы или самоанализа. Так поэзия становилась для нее духовным выходом и своего рода бегством, также источником душевного отдохновения, позволяла снять напряжение монотонности текущего бытия.

Разумеется, мы далеки от мысли рассматривать Дросте как продукт институциональных отношений общества Реставрации и считать накладываемую системой институтов регламентацию основой личностного становления и развития поэтессы, даже если выдвинуть идею о сопротивлении данной системе в качестве стержня поэтической личности автора. Именно поэтому мы не приемлем малоубедительной концепции, согласно которой личность поэтессы состоит из тщетных преодолений запретов ее среды. По этому идейному рубежу, как кажется, и пролегают пределы продуктивности институционального подхода к изучению Дросте.

По нашему мнению, настойчивые порывы поэтессы к свободе личностного самовыражения, страсть к невоплощенным и лично не пережитым в реальной жизни приключениям, удивительно точное видение природы обрели индивидуальный, возвышенный вариант образной реализации. Они сублимировались в манеру художественного творчества, которая оказалась не только решающей для всей поэтической жизни автора, но и составила заметную тенденцию развития немецкой поэзии Реставрации. Художественно-поэтические открытия Дросте наметили один из основных перспективных путей развития немецкой поэзии, ведущих к завоеваниям XX ст. Скорее всего, отмеченную двойственность манеры письма А. фон Дросте-Гюльсхоф следует рассматривать не в рамках оценочной дилеммы – как преимущество или недостаток, а как синкретическую сублимацию лирического «я», обусловленную, прежде всего, особенностями личности автора, но также связанную и с развитием институциональной системы Германии первой половины XIX века. Эта индивидуальная особенность творчества А. фон Дросте-Гюльсхоф делает ее произведения еще более привлекательными и для читателей, и для литературоведов, открывая им мир бесконечного стремления без надежды на обретение, что могла, как нам кажется, проникновенно почувствовать и блестяще выразить именно поэтическая натура женщины-творца. Краткий анализ перспективных и непродуктивных моментов ведущих подходов к изучению наследия Дросте побуждает нас сформулировать предположение, что по-настоящему глубоко и главное – непредвзято осмыслить ее творчество можно при условии широкого системного учета накопленного дростеведением материала, однако вне ограничений, накладываемых рамками какого-либо одного из отмеченных нами направлений анализа.

Библиографические ссылки

1. Березина А. Г. История западноевропейской литературы. XIX век: Германия, Австрия, Швейцария : учеб. пособ. для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / А. Г. Березина, А. В. Белобратов, Л. Н. Полубояринова; [под ред. А. Г. Березиной]. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 240 с.
2. Berglar P. Annette von Droste-Hülshoff in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten / P. Berglar. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 1967. – P. 16, p. 11.
3. Heselhaus C. Annette von Droste-Hülshoff. Die Entdeckung des Seins in der Dichtung des 19. Jahrhunderts / Heselhaus C. – Halle [Saale] : Max Niemeyer, 1943. – P. 45.
4. Müller J. Natur und Wirklichkeit in der Dichtung der Annette von Droste-Hülshoff / J. Müller. – Münster : Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1941.
5. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action / E. Ostrom. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – P. 51.
6. Schmoller G. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre / G. Schmoller. – Munich and Leipzig : Duncker and Humblot, 1900. – P. 61.
7. Schneider. Annette von Droste-Hülshoff / Schneider. – P. 20.

8. *Silz W.* «The Poetical character of Annette von Droste-Hülshoff (1797–1848)» / *W. Silz.* – *PMLA* 63, 1948. – P. 978.

9. *Woesler W.* «Die Droste und das «Feuilleton» der «Kölnischen Zeitung», *Kleine Beiträge zur Droste-Forschung 1971/ W. Woesler.* – *Zahnstein : Nohr; Münster : Stenderhoff in Komm,* 1970.

10. «TOO MANLY IS YOUR SPIRIT» ANNETTE VON DROSTE-HÜLSHOFF [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://scholarship.rice.edu/bitstream/handle/1911/63308/article_RIP641_part5.pdf?sequence=1

Надійшла до редколегії 24.04.2014 р.